

УДК 93/94(571.56)

А. Н. Букейханов об основных тенденциях политического и социально-экономического развития казахского общества в конце XIX – начале XX в.

М. В. Шиловский

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Аннотация. Анализируется эволюция взглядов лидера казахского национального движения начала XX в. А. Н. Букейханова на основные тенденции политического и социально-экономического развития казахского общества в условиях седентаризации и модернизации. Его наработки сопоставляются с теоретическими взглядами других представителей интеллектуальных элит народов Азиатской России и сибирских областников.

Ключевые слова: западная модель цивилизационного развития, национальное самосознание, либералы, казахская интеллигенция, переселение, колонизация, культурно-национальная автономия.

Алихан Нурмухаметович Букейханов (1870–1937), подобно большей части видных представителей национальных элит: буряту Э.-Д. Ринчино, якуту В. В. Никифорову, алтайцу Г. И. Гуркину и др., принадлежал к интеллектуалам, отстаивающим западную модель цивилизационного развития в лице России, прежде всего в плане хозяйственной деятельности и формирования национального самосознания. Альтернативный вариант национальной идеи предлагали сторонники ориентации аборигенных этносов азиатской части Российской империи на интеграцию их на основе буддизма (панмонголизм), ислама или сближения с Японией. Существование обозначенных тенденций применительно к казахскому обществу начала XX в. признает и мой герой. Касаясь состава авторов так называемой Каркаралинской петиции (июль 1905 г.), он замечает, что в ее составлении «принимали участие, с одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской культуре, видящая счастье родины в здоровом претворении плодов западной культуры и считавшая религиозные вопросы второстепенными, при наличии обещанной 17 апреля свободы веротерпимости. С другой стороны, выступала и интеллигенция, воспитывавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности... Если провести некоторую аналогию с русской интеллигенцией, то первую группу киргизской интеллигенции можно было бы назвать западниками, а вторую тюркофилами и поборниками панисламизма» [9, с. 38–39].

В современной российской и казахстанской историографии имеется немало работ, посвященных биографии и общественно-политическим взглядам

дам Букейханова. Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев отнес его, наряду с А. Байтурсыновым, М. Дулатовым, Ж. Акпаевым, М. Чокаем, М. Тынышпаевым, Б. Каратаевым и др., к руководителям национально-освободительного движения, одной из главных задач своей деятельности считавшим «не только сохранение национальной самобытности казахского народа, но и воссоздание исторического прошлого и воспитание национальных чувств» [23, с. 154–155].

Вместе с тем не выявлено полностью творческое наследие моего героя, имеются лакуны в освещении его жизненного пути и концептуальных подходов. Как справедливо замечают З. Г. Сактаганова и А. П. Толочко: «Крайне сложно сегодня отследить многие вехи из биографии А. Н. Букейханова. В частности, известны лишь некоторые эпизоды из жизни и деятельности А. Н. Букейханова в период его вторичного пребывания в Омске (1894–1908), во время самарской ссылки (1908–1916). До сих пор не известны все псевдонимы А. Н. Букейханова...» [27, с. 79–80]. В настоящей публикации я попытаюсь проследить эволюцию взглядов Букейханова на основные тенденции социально-экономического и политического развития казахского общества в избранных хронологических рамках, сопоставляя их с теоретическими наработками других представителей интеллектуальных элит народов Азиатской России и сибирских областников.

Алихан Букейханов родился в марте 1870 г. в ауле номер семь Токранской волости Каркаралинского округа Семипалатинской области в семье выходца из знатного султанского рода Бокей. Данное обстоятельство использовалось противниками казахской автономии в белом движении для его дискредитации. Так, анонимный автор в конце января 1919 г. в семипалатинской газете «Свободная речь» заявлял: «Кстати, г. Букейханов прямой потомок популярного в средней Орде султана Барака, который в 1743 г. в споре из-за ханского достоинства коварно убил султана-правителя Каратая. Живы и здоровы потомки Абулхаира и Каратая. Кто может ручиться за аппетиты киргизских султанов?! Ведь «управление Алашем» чересчур лакомый кусок для честолюбцев вообще. «Председатель Алаш-Орды» и «главный уполномоченный по управлению Алашем», – под этими терминами киргизы подразумевают ханское достоинство, разумеется, только под другим соусом» [12, с. 174–175].

Начальное образование юный чингизид получил в медресе муллы Зарифа и городском начальном училище Каркаралинска. В 1886 г. он поступает в Омское техническое училище. С третьего курса начинает публиковаться в литературном приложении к «Акмолинским областным ведомостям». В корреспонденции «Мулла в К-ском уезде» «19-летний юноша ставит вопрос о качестве общего и духовного образования у тех, кто занял место религиозного гуру. Кое-кто, едва прочитав «Коран», подчеркивает Алихан, начинает воображать себя муллой, а необразованное общество с ним соглашается, хотя нередко этот «мулла не умеет писать, а если пишет, то на позор грамматике». И какой пример людям может дать этот духовник, спрашивает юный аналитик» [5, с. 4].

Получив в 1890 г. аттестат техника, Букейханов продолжил учебу в петербургском Лесном институте. В столице он попадает в поле зрения жандармов как политически неблагонадежный элемент [30, с. 130]. С дипломом ученого-лесоведа юноша возвращается в Омск, где начинает работать преподавателем в лесном училище, а с 1895 г. чиновником в переселенческом управлении. В 1902 г. женился на коренной сибирячке Ольге Яковлевне Севастьяновой. В следующем году родилась дочь Елизавета, через семь лет – сын Октай (Сергей). В 1896–1903 гг. Букейханов принимает участие в деятельности «Экспедиции по исследованию степных областей» под руководством Ф. А. Щербины, организованной и финансируемой Комитетом Сибирской железной дороги (КСЖД). В ходе ее были собраны ценные статистические сведения о состоянии хозяйственной деятельности казахов 12 уездов Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей с точки зрения организации массового крестьянского переселения из Европейской России.

В Омске мой герой сотрудничает в общественно-политической и литературной, согласно ряду источников, первой легальной в Сибири марксистской газете «Степной край» (редакторы П. Б. Ящеров, И. Ф. Соколов) [20, с. 66–67]. Относительно его политических симпатий тогда ссыльный народник С. П. Швецов вспоминал: «Никакой «радикальной интеллигенции», как представителя особого направления, в составе «Степного Края», как думает т. Виноградов, не было. А. Н. Букейхан, которого он относит именно сюда, представлял собою марксистское направление в газете и был, несомненно, наиболее ярким его выразителем» [31, с. 110].

В 1903 г. в очередном томе (18-м) «Полного географического описания отечества», целиком посвященном Казахстану (Киргизскому краю), увидела свет первая обобщающая (энциклопедическая) работа Букейханова «Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи». Касаясь политической истории территории, потомок чингизидов утверждает, что «киргизы относились свободно к своим султанам и ханам, признавая их власть, пока их интересы совпадали с видами самоуправляющихся родов». Большой, Средней и Младшей ордами управляли султаны Абульхаир, Абуль-Мамбет, Барак и «названный (но не избранный. – *М. Ш.*) ими ханом Аблай». Таким образом, «киргизы, никогда не знавшие верховной власти, которую немислимо было создать в вольной степи, где искони традиционная форма власти сосредотачивалась в руках самоуправляющегося рода и его вожаков, в XIX в. вошла в состав населения степных областей» [7, с. 180].

В связи с выводами А. Н. Букейханова хотелось бы высказаться относительно вопроса об уровне оформления государственности у казахского общества накануне его присоединения к России. Дело в том, что ряд современных казахстанских историков (А. Галиев, Ж. Касымбаев, М. К. Козыбаев, К. К. Абуев и др.) утверждает о существовании в середине XV – начале XVIII в. Казахского (Казахского) ханства со всеми атрибутами суверенного государства: централизованным управлением, осуществляемым ханами; налоговой системой, армией (ополчением), законодательной базой, внешней политикой и т. д. [6, с. 43–63].

Как мне представляется, казахское общество тогда находилось на стадии трансформации военной демократии в феодальное государство. Однако низкая плотность населения, кочевой образ жизни, отсутствие «естественных границ» и т. д. тормозили этот процесс. Я присоединяюсь к выводу В. А. Моисеева о том, что «казахские ханы фактически являлись военачальниками и вождями, а не правителями государственных образований. Казахское ханство – название совершенно условное. Накануне и в начальный период присоединения к России это «ханство» представляло собой рыхлый союз родоплеменных образований, неспособный вследствие самой природы кочевого хозяйства, к саморазвитию и государственности» [22, с. 75]. Тем не менее казахский социум в XVIII в. сохранил этнотерриториальную целостность и рассматривался могущественными соседями как полноправный субъект международных отношений. И в этом несомненная заслуга таких личностей, как Абылай и Абулхаир.

В конце XVIII в. большая часть кочевников признала русскую власть. В свою очередь русские покорили край и начали его хозяйственное освоение путем организации переселений. Колонизаторы не сумели «разумно воспользоваться богатыми дарами природы» территории, «напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы – грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств» [7, 188, 211]. Автор констатирует низкий уровень распространения образования среди кочевников, объясняя это тем, что «в этих школах в начале заботились не столько о том, чтобы научить детей русской грамоте, сколько о том, чтобы дать им определенное идейное направление. Так, первые школы были открыты администрацией в 1782 г. при многих мечетях; учителями были наняты тобольские татары для того, чтобы парализовать влияние средне-азиатских мулл на подвластное русским киргизское население. Киргизам был открыт вместе с тем полный доступ в русские училища». Применительно к началу XX в. «край нуждается в открытии высшего сельскохозяйственного и ветеринарного института, так как земледелие и скотоводство составляют краеугольный камень его экономического благосостояния» [7, с. 214, 216–217].

Большое воздействие на формирование общественно-политических взглядов Алихана Нурмухаметовича в рассматриваемый период оказало творчество выдающегося казахского поэта и мыслителя Абая Кунанбаева (1845–1904), на смерть которого он откликнулся обширным некрологом, опубликованным в газете «Семипалатинский листок», а затем в записках местного подотдела ЗСОИРГО [8]. Ряд положений, сформулированных Абаем в 1890–1898 гг. в «Словах назидания», своеобразном сборнике эссе общественно-политического и философского содержания, получили дальнейшее обоснование в работах Букейханова. Главной причиной отсталости казахов в хозяйственной сфере Абай считал отстраненность их от земледелия, торговли, ремесла и науки. «Дети степняков, – пишет он в 1891 г., – задавленные несправедливостью, стали смиренными и не оставляют родного края, чтобы научиться незнакомому ремеслу, не возделывают полей, не стремятся извлечь пользы из торговли». Примерно в том же духе сформули-

рована его сентенция 1898 г.: «Одной из причин, способствующих пристрастию казаха к дурному, является отсутствие достойного занятия. Разве смог бы он отвлекаться на пустое времяпровождение, если бы занимался хлебопашеством или торговлей?» [1, с. 9, 10, 117].

Охарактеризованные мной взгляды А. Н. Букейханова и А. Кунанбаева во многом совпадают с оценками якута, выпускника юрфака Московского университета М. А. Афанасьева, который в письмах за 1892 г. ратует за развитие образования, «когда народ научится разумно эксплуатировать природные дары и силы». Главное – «разбудить интерес к учению, заронить стремление к труду и к честной, самостоятельной жизни». В качестве просветителей якутов должны выступать русские, но не «жалкие попы... невежественные купцы, исправники, заседатели, писари, которые не понимают ничего, кроме плутни и наживы». «Только тесная и живая связь с образованной частью русского общества может поддержать нас, даст нам возможность жить и быть полезными там, в родной стране» [4, с. 221, 223–224].

Начавшаяся 9 января 1905 г. Первая русская революция активизировала общественно-политическую деятельность моего героя в плане политического самоопределения и выработки концепции национального самоопределения. О настроениях казахов военный губернатор Семипалатинской области генерал А. С. Галкин доносил 19 июня: «Степь беспокойна: киргизы внимательно следят за всем происходящим в России, в степь проникают лица из соседних областей и даже из Букеевской орды, разясняющие по собственному усмотрению высочайший рескрипт 18-го февраля сего года и явно неправильно толкующие все правительственные распоряжения» [29, с. 24–25]. Собравшись 25 июля на Куяндинской ярмарке, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, Ж. Акпаев и другие составили так называемую Каркаралинскую петицию, в которой, в частности, продекларировали: «...Считая землю своей собственностью, приобретенной кровью отцов, киргизы при вступлении в русское подданство не подумали, что государство позволит себе посягнуть на частную собственность. Между тем, русское правительство создало законы, по которым без всякой мотивировки, просто по праву сильного все киргизские степи признаются государственной собственностью, вследствие чего создано переселенческое движение в киргизские степи и самые лучшие участки перешли к переселенцам, а худшие – остались за киргизами». Петицию, подписанную 15,5 тыс. казахов, отправили на имя председателя Комитета министров [9, с. 39–40].

В середине августа Букейханов принимает участие в мусульманском съезде на пароходе во время 10-часовой «водной экскурсии» по Оке. 120 делегатов форума отправляют в адрес императора Николая II прошение, обращенное против предлагаемой процедуры выборов депутатов в Государственную Думу от «кочевых инородцев» отдельно от русских избирателей [17, с. 72]. 19 октября 1905 г., после массового митинга в Омске, Алихан вошел в состав временного комитета местного комитета кадетской партии. Он участвует в проходившем в Москве в ноябре съезде городских и земских деятелей, на котором, выступая от имени 4-миллионного киргизского наро-

да, заявляет, что «ближайшей нуждой является свобода и употребление родного языка» [5, с. 16–17]. В конце октября, согласно воспоминаниям Букейханова, «интеллигентные казахи, жившие в Омске, перевели манифест 17 октября на казахский язык и, с благословений цензора местных газет – вице-губернатора, напечатали в акмолинской областной типографии и послали в степь 10 000 экземпляров» [10, с. 266]. В начале декабря он участвует в съезде представителей от пяти казахских областей в Уральске с целью организации Казахской кадетской партии как национального объединения в составе Партии народной свободы (ПНС). В феврале 1906 г. в Семипалатинске состоялся второй съезд по этому поводу. Он «одобрил близкую к кадетам программу, но включил в нее требования о прекращении переселения в край крестьян, признания всех земель Казахстана собственностью коренного населения, открытия национальных школ и т. п.» [18, с. 618]. Однако руководство ПНС не поддержало программные положения казахских коллег, а Букейханов решил баллотироваться в депутаты Государственной Думы от коренного населения Семипалатинской области. Большое значение при анализе эволюции взглядов моего героя в период революции 1905–1907 гг. имеют его статьи в омской газете «Степной пионер» в августе-сентябре 1906 г. По его мнению, законодательная деятельность Думы является единственным регулятором отношений в России. Но правительство и революционеры действуют схожими, противозаконными методами. «Возьмите вы министров, хотя за неделю, рассмотрите их тактику и вы увидите, что эта тактика построена сплошь на революционных приемах. Вся их деятельность не что иное, как сплошное отрицание закона и компетентности суда. В этом они пошли куда дальше, революционеры, как известно, требуют, чтобы в стране был единый суд, беспристрастный и независимый, а министры заменяют его военными судами, военно-полевыми и расстрелами без суда, властью начальников и городских» [11, с. 54–55].

Несмотря на все преграды и заключение в тюрьму, 15 июня 1906 г. на областном собрании выборщиков в Семипалатинске «175-ю шарами из 176» [10, с. 275] Букейханова избирают депутатом I Государственной Думы от инородческого населения Семипалатинской области. В Петербург он прибыл накануне роспуска Думы. Затем казахский депутат подписал «Выборгское воззвание», за что подвергся трехмесячному тюремному заключению, а затем в 1908 г. был выслан за пределы Степного генерал-губернаторства и проживал до 1916 г. в Самаре, где работал исполнительным производителем (менеджером) в Волжском сельхозбанке.

Таким образом, в период Первой русской революции Букейханов в духе либеральных положений кадетской партии выступал за прекращение переселений в Степной край и развитие образования на родном языке казахов. Для сравнения в Сибири в аборигенной среде в рассматриваемое время происходило обсуждение вопроса о создании органов общественного самоуправления в рамках рескрипта от 3 апреля 1905 г. и подготовке земской реформы на восточной окраине империи. Буряты Забайкальской области в конце апреля 1905 г. и Иркутской губернии в конце августа высказались за

создание отдельных от русских земских учреждений. В Якутии в конце 1905 г. представители от коренного населения во главе с В. В. Никифоровым подготовили проект документа, в основе которого лежали предложения иркутских бурят. В нем предлагалось: земля в области должна принадлежать местным жителям, и в ее пределах вводится полное земское самоуправление. Эти положения вошли в программу созданного в январе 1906 г. «Союза якутов» [33, с. 81, 208].

В 1910 г. в сборнике «Формы национального движения в современных государствах» увидела свет, пожалуй, самая известная публикация казахского общественного деятеля – статья «Киргизы». Заметим, что сборник являлся специализированным приложением по национальной проблематике более известного сборника «Интеллигенция в России», ставшего «ответом кадетов своим бывшим друзьям, перешедшим в лагерь правых и выпустивших годом ранее нашумевший сборник «Вехи», где интеллигенция обвинялась во всех смертных грехах» [5, с. 28]. Упомянутый энциклопедический очерк продолжает подходы автора, заложенные в статье «Исторические судьбы Киргизского края...», но акценты существенно изменены. По его мнению, «чисто пастушеское хозяйство киргиза постепенно уступает место смешанному земледельческо-пастушескому типу», хотя главным источником доходов является скот. «Киргизы осели на землю», – констатируется в сочинении.

Как и на других национальных окраинах, в Степном крае «искони осуществляется обрусительная политика», прежде всего путем поощрения и организации массовых переселений, которая, в свою очередь, обостряет борьбу «за землю между киргизом и переселенцем» [9, с. 18]. Алихан Нурмухаметович прозорливо предсказывает катастрофический финал переселенческой эпопеи, имевший место уже в советские времена: «При спешном и массовом переселении крестьян в киргизскую степь весьма возможно, что целина будет выпахана раньше, нежели крестьянское хозяйство успеет принять более интенсивную форму. Киргизская степь, лишившись вековой целины, окажется бесплодной и при современной технике крестьянского хозяйства перестанет давать урожаи. Здесь повторяются знакомые неурожаи юго-восточной России. Распылив превосходные пастбища киргизской степи и обратив ее в пустыню, крестьянин окажется у разбитого корыта, а киргизы, лишившись к тому времени своих пастбищ, окончательно обнищают» [9, с. 32–33].

Касаясь культурно-политической обстановки в регионе, Букейханов подчеркнул, что «старое родовое объединение киргизской народности получило религиозно-политический характер» под сильным воздействием ислама. «Киргизская степь покорно несла беззакония, глубоко затаив ненависть и злобу. Не без зависти слушала она бродячего выходца из Туркестана и Турции, повествовавшего о великом халифе – султани турецком, о справедливости, царящей в его царстве, и благоденствии его народа». Росту национального самосознания на религиозной основе способствовала Русско-японская война 1904–1905 гг. «Телеграммы приносили вести о непрерывных

японских победах. Степь, зная со слов бродячего апологета ислама о том, что все хорошее и справедливое связано с исламом, и на опыте обрусительной политики также убедившаяся, что ничего хорошего не может быть вне ислама, – живо восприняла легенду о том, что японцы – это те мусульмане, с которыми киргизы соединены родственной национальной связью. Последнее обстоятельство, по их мнению, подтверждалось сходством японских портретов с типом киргизского лица. Все это вызывало в них глубокий интерес к войне» [9, с. 33, 37, 38]. Первая русская революция привела к расколу казахской интеллигенции на западников и тюркофилов (панисламитов). Причем «даже в наиболее активных слоях киргизского народа тюркофилы были в большинстве. Благодаря обрусительной политике, до сих пор царящей в киргизской степи, последняя с подозрением относится к западному просвещению и культуре» [9, с. 39].

Мне представляется, что проблема цивилизационного выбора, сформулированная в статье лидера казахского национального движения, была актуальной для интеллектуалов из национальных элит Азиатской России. Наличие среди бурят националистов-народников и западников во время и после революции 1905–1907 гг. фиксирует Н. Н. Дьяконова [16, с. 93]. В письме к Г. Н. Потанину (1910) бурят Э.-Д. Ринчино заявляет: «Нас, монголо-бурят-тангут, давят, хотят превратить в тук для удобрения почвы во имя псевдорусских или китайских интересов. Правительство прямо, буквально душист все наши культурные начинания, а само палец о палец не ударяет для просвещения бурят... Конечно, унывать не приходится. Монголы дорого продадут себя, они еще повозятся. Ни русскому самодержавию, ни китайским младенцам не удастся так скоро стереть с лица земли нас, давших миру Чингиса, Хубилая и Тамир-Улана. На долю нынешней бурят-монгольской интеллигенции выпала трудная, но интересная историческая роль: она должна начать, наметить новые пути истории своего народа, под ее эгидой, руководством народ идет к известному и неизвестному будущему, в котором мерещатся то светлые, радостные блики, то зловещие грозовые тучи» [25, л. 4–5]. Якут А. Е. Кулаковский в 1912 г. размышляет: «Передаться Америке, Японии, Китаю? Нет, – эти № № не проходят: те нас быстро задавят в борьбе за существование, и белоглазый, большеносый нуча (русский. – *М. Ш.*), не говоря уже о даровании православной веры, гораздо ближе нам, милее и родственнее их, он такой же отсталый полудикарь, как и мы, наивный добряк, не способный обижать нас (якут мог бы водить его за нос при одинаковом культурном уровне, как ему вздумается)... Единственным рациональным средством является наша культивизация и слияние с русскими, – благо, что помесь с последними дает хорошие плоды» [21, с. 233].

В Самаре Букейханов начинает сотрудничать в журнале Сибирской парламентской группы III Государственной Думы «Сибирские вопросы». Только в 1908 г. в нем публикуются его статьи: «Переселенческие наделы в Акмолинской области», «Русские поселения в глубине Степного края», «Отчуждение киргизских орошаемых пашен» и т. д. При его деятельном участии в 1913 г. в Оренбурге вышел первый номер газеты «Казах», в кото-

рой регулярно печатались его статьи и корреспонденции. Накануне Первой мировой войны он организовал запрос правительству в IV Государственной Думе относительно восстановления представительства в ней от населения Казахстана.

Первая мировая война привела к расколу казахской интеллектуальной элиты. Главной причиной стало высочайшее повеление императора Николая II от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ». Радикальное крыло национальной интеллигенции Т. Бокин, Ж. Ниязбеков, А. Жунусов, Т. Рыскулов и другие выступили против исполнения повеления. А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов 11 августа 1916 г. в газете «Казах» высказались за последовательное исполнение нормативного акта, наивно полагая, «что если казахи примут участие в тыловых работах, то после победы в войне они смогут рассчитывать на облегчение своего положения и получение автономии» [18, с. 640]. Позицию их, на мой взгляд, Д. А. Аманжолова наиболее приемлемо объяснила следующим образом: «Великолепное знание русского языка, публицистики и литературы, в том числе, конечно, западной, общий культурный подъем в стране сформировали глубокое уважение к русской культуре и стремление использовать ее для достижения прогресса казахов. Принадлежность к общероссийским гражданским силам, членство в общероссийских политических партиях (главным образом эсеров и кадетов), объединяющий общественность страны надэтнический демократический потенциал сформировал у лидерской части казахской интеллигенции достаточно прочное осознание общности интересов и принципов всесторонней модернизации многонациональной России» [3, с. 141–142].

К началу февраля 1917 г. в Акмолинской области было призвано и принято военным ведомством на тыловые работы 7537 казахов, признано непригодными 8570, освобожден от призыва как уже работающие на оборону 10 241, предоставлена отсрочка 16 314 чел. В Семипалатинской области призвали 13 990 казахов, были освобождены от призыва 15 719 чел. [28]. Для организации адаптации призванных на тыловые работы в декабре 1916 г. при штабе Западного фронта в Минске создается инородческий отдел «Земгора» во главе с Букейхановым.

После свержения самодержавия мой герой из Минска пытается посредством телеграмм в редакцию газеты «Казах» сформулировать основные задачи национального движения в Казахстане. Он принимает активное участие в деятельности кадетской партии, а на съезде ее 9–12 мая 1917 г. избирается в состав ЦКПНС. На Первом всеказахском съезде в Оренбурге 21–26 июля 1917 г. по предложению Букейханова в отношении национально-государственного устройства казахских земель принимается решение о том, что они «должны получить областную территориально-национальную автономию». Для реализации этой установки форум постановил создать национальную партию «Алаш» [19, с. 25]. Разошлись тогда позиции казахских

автономистов и кадетов. В мае 1917 г. в статье «Почему я вышел из партии кадетов» А. Н. Букейханов «назвал три основных разногласия – по вопросам о национальной автономии, взаимоотношений государства и религии, а также частной собственности на землю. Алашисты считали необходимым сохранить собственность казахских родов на землю» [2, с. 114].

Некоторое время сторонники казахской автономии ориентировались на областническое движение в Сибири. Так, в работе Первого сибирского областного съезда (8–17 октября 1917 г.) в Томске приняли участие 9 их представителей [32, с. 28]. Из анкеты, заполненной при регистрации, видно, что Букейханов А. Н., 48 лет, член Партии народной свободы (к-д), образование высшее, журналист, делегирован на форум Советом киргизских и крестьянских депутатов Тургайской области [13, л. 22–23]. «Самоопределение мы хотим получить вместе с Сибирью», – подчеркивал он, выступая на пленарном заседании, понимая под этим «право самим решать, как нам управлять и жить. Нельзя управлять страной из Петрограда, то же можно сказать и про Сибирь – нельзя ею управлять из одного места» [14, л. 2, 5]. 15 октября Алихан Нурмухаметович заявил: «Я смотрю на наши дебаты, как дебаты блока вообще народов Сибири и это дело не партийное и мы должны стараться всех талантливых сибиряков собрать около этого дела» [15, л. 56]. В 1917 г. он выступал последовательным противником большевиков. Будучи комиссаром Временного правительства в Тургайской области, в декабре он издает массовым тиражом написанную им «Памятку крестьянам, рабочим и солдатам» о политике большевиков, которая начинается словами: «Ульянов-Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров, распоряжается единолично, как царь Николай, не желает давать отчета ни перед кем, контроль народа над распоряжениями правителей называет буржуазным предрассудком» [26, с. 116].

На Втором всекиргизском съезде в Оренбурге в декабре 1917 г. казахские области провозглашаются автономией «Алаш», а Букейханов избирается председателем правительства Алаш-Орды. Из информации уездного земского инструктора И. Лескота о настроении населения Зайсанского уезда Семипалатинской области в первой половине августа 1918 г. следует, что «Центральный комитет Алаш-Орды, стремящийся к абсолютной автономии киргизов, теперь раскололся на два оппозиционных лагеря. Первая часть во главе с врачом Айдбакиным стоит за слияние с Сибирью, за ней идет почти весь киргизский народ, который, надо сказать, вообще консервативен, другая же половина комитета (интеллигенция) стремится к полной эмансипации и даже агитирует за абсолютную автономию киргиз» [12, с. 115]. Плодотворное сотрудничество деятелей «Алаш» и сибирских областников прерывается после свержения советской власти на востоке России летом 1918 г. Пришедшее к власти Временное Сибирское правительство (ВСП) 18 июля обнародовало проект «Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири», в котором зафиксировало отрицательное отношение к национально-территориальной автономии. На этом основании омская власть отказалась признать национальные комитеты, в том числе Алаш-

Орду киргиз-кайсаков, органами национально-государственной власти [24]. ВСП выступило против участия делегации Алаш-Орды в работе Уфимского государственного совещания. Это сопротивление удалось преодолеть, и, выступая 12 сентября 1918 г. в Уфе, Букейханов подчеркнул: «Организацию областных правительств некоторые склонны приписывать сепаратизму; никакого сепаратизма в этом нет. Те организации, от имени которых я выступаю, не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России» [26, с. 139].

Пришедший к власти адмирал А. В. Колчак ратовал за сохранение «целокупной», «единой и неделимой» России. Тем не менее алашординцы сотрудничали с генералом Б. В. Анненковым. После разгрома колчаковцев 21 декабря 1919 г. Семипалатинский областной совет Алаш-Орды, «принимая во внимание, что права народов России наиболее полно обеспечиваются Советской властью», принимает решение «поддержать всеми средствами и силами Советскую власть, несущую свободу, равенство, братство и свет во все обездоленные уголки многоязычной России, приветствовать появление на территории Алаш (киргизской автономии) советских войск как освободителей от тирании реакционной монархической диктатуры» [26, с. 194]. По мере укрепления коммунистического режима развертывается преследование «буржуазных националистов». В ноябре 1922 г. арестовали Букейханова, затем выслали в Москву, в 1927 г. снова арестовали, в 1927–1937 гг. он находился под домашним арестом, и в 1937 г. его расстреляли. Его участь разделили Г. И. Гуркин, Э.-Д. Ринчино, А. Байтурсынов и многие видные представители национальной интеллигенции.

Проведенный анализ взглядов А. Н. Букейханова как типичного представителя западной модели цивилизационного развития своего этноса на политическое и социально-экономическое развитие казахского общества в конце XIX – начале XX в. позволил установить, что доминирующей идеей этой группы просветителей и лидеров национального возрождения являлось признание общности с Россией и необходимости приобщения к русской культуре. Устранение с политической арены деятелей первой генерации казахской интеллигенции, получившей образование в высших и средних учебных заведениях России, имело следствием деформацию целого пласта национальной истории. В своих теоретических построениях и практической деятельности они проделали эволюцию от осознания необходимости разработки, если не программы, то отдельных способов выживания, существования и развития своего народа в изменившемся общецивилизационном пространстве до постановки и попытки начать реализацию концепта самоопределения и национально-территориальной автономии.

Список литературы

1. *Абай*. Слова назидания / Абай. – Астана, 2009. – 136 с.
2. *Абдилдабекова А.* Накануне. Роль политической элиты и интеллигенции в обретении независимости Казахстана // *Родина*. – 2009. – № 12. – С. 113–114.
3. *Аманжолова Д. А.* Восстание 1916 г. и проблемы этнополитической мобилизации казахской интеллигенции // *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 г.: уроки общей трагедии)*. – М., 2015. – С. 127–155.
4. *Афанасьев М. А.* О задачах интеллигенции // *Дьяконова Н. Н.* Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. - 1917 г.). Приложения. – Новосибирск, 2002. – С. 221–224.
5. *Ахметова Л. С.* Алихан Букейханов – поиск ориентиров, Ахмет Байтурсынов – главное – обретение государственности, Турар Рыскулов – яркий политик советского Востока : учеб. пособие / Л. С. Ахметова, В. К. Григорьев, Г. Н. Шойкин. – Астана, 2008. – 204 с.
6. *Аяган Б. Г.* Современная история Казахстана : учебник / Б. Г. Аяган, Х. М. Абжанов, С. В. Селиверстов, М. С. Бекенов. – Алматы : Раритет, 2010. – 429 с.
7. *Букейханов А. Н.* Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // *Букейханов А. Н.* Казахи. – Астана, 2014. – С. 172–217.
8. *Букейханов А. Н.* Абай (Ибрагим) Кунанбаев // *Зап. Семипалатин. подотдела ЗСОИРГО*. – 1907. – Вып. 3. – С. 1–8.
9. *Букейханов А. Н.* Киргизы // *Букейханов А. Н.* Казахи. – Астана, 2014. – С. 16–41.
10. *Букейханов А. Н.* Выборы в Степном крае // *Букейханов А. Н.* Казахи. – Астана, 2014. – С. 266–278.
11. *Буктугутова Р. С.* Очерки по истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX в. / Р. С. Буктугутова. – Кокшетау, 2006. – 296 с.
12. Восточное отделение правительства Алаш-Орды : сб. док. – Семей, 2010. – 425 с.
13. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р–552. Оп. 1. Д. 11.
14. ГАТО. Ф. Р–552. Оп. 1. Д. 6.
15. ГАТО. Ф. Р–552. Оп. 1. Д. 10.
16. *Дьяконова Н. Н.* Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. – 1917 г.) / Н. Н. Дьяконова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 240 с.
17. *Зорин В. Ю.* Национальный вопрос в государственных думах России / В. Ю. Зорин, Д. А. Аманжолова, С. В. Кулешов. – М., 1999. – 488 с.
18. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 5 т. – Алматы, 2000. – Т. 3. – 768 с.
19. *Койгельдиев М. К.* Алихан Нурмумухамедулы Букейханов: к 140-летию великого государственного и общественного деятеля // *Алаштану*. – 2009. – № 1. – С. 23–28.
20. *Косых Е. Н.* Повременная печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.) : свод. указ. период. и продолж. изд. / Е. Н. Косых, А. В. Яковенко. – Томск, 2011. – 2376 с.
21. *Кулаковский А. Е.* Из письма якутской интеллигенции // *Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. – 1917 г.)*. – Новосибирск, 2002. – Прил. – С. 230–233.

22. *Моисеев В. А.* К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Моисеев В. А. Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность. – Барнаул, 2001. – 134 с.
23. *Назарбаев Н. А.* В потоке истории / Н. А. Назарбаев. – Алматы, 1999. – 296 с.
24. Омск. вестн. – 1918. – 18 июля.
25. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 381. Оп. 1. Д. 139а.
26. Россия в Центральной Азии. 1905–1925 гг. : сб. док. – Караганды, 2005. – 495 с.
27. *Сактаганова З. Г.* А. Н. Букейханов: личность и судьба / З. Г. Сактаганова, А. П. Толочко // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). – Омск, 2010. – Вып. 4. – С. 79–89.
28. Сиб. жизнь. – Томск, 1917. – 2 февр.
29. *Толочко А. П.* Общественное движение в Степном крае в 1895 – марте 1917 гг. : хроника, материалы, документы / А. П. Толочко, Р. С. Буктугутова. – Омск, 2004. – 181 с.
30. *Толочко А. П.* Алихан Нурмухамедович Букейханов в Омске: страницы биографии // Толочко А. П. Страницы истории дореволюционного Омска : краевед. зап. – Омск, 2013. – С. 129–134.
31. *Швецов С. П.* Газета «Степной край» и политическая ссылка // Северная Азия. – 1930. – № 1. – С. 104–127.
32. *Шиловский М. В.* Сибирские автономисты (областники) и деятели «Алаш-Орды» // Влияние идей движения «Алаш» на евразийском пространстве: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Семей, 2008. – С. 27–30.
33. *Шиловский М. В.* Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири / М. В. Шиловский. – Новосибирск, 2012. – 320 с.

Bukeikhanov A. N. on the Main Tendencies of Political, Social and Economic Development of the Kazakh Society at the End of the XIXth – the Early XXth Centuries

M. V. Shilovsky

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

Abstract. The author analyzes viewpoint trajectory of Bukeikhanov A. N., leader of the Kazakh national movement in the early XXth century. The article concerns political and socio-economic development of the Kazakh society in the time of sedentarization and modernization. Bukeikhanov's experience is compared with ideas of other representatives of intellectual elite of the Asiatic Russia and Siberian regionalists (*oblastniki*).

Keywords: western model of civilization development, national consciousness, liberals, Kazakh intellectual elite, migration, colonization, cultural and national autonomy.

Шиловский Михаил Викторович

доктор исторических наук, профессор

Институт истории СО РАН

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

тел.: 8(3833)30-38-21

e-mail: istorik.novosib@gmail.com

Shilovsky Mikhail Viktorovich

Doctor of Sciences (History), Professor

Institute of History SB RAS

8, Nikolayev st., Novosibirsk, 630090

tel.: 8(3833)30-38-21

e-mail: istorik.novosib@gmail.com